

ШРИ АУРОБИНДО

Избранные

сонеты

ШРИ АУРОБИНДО

**ИЗБРАННЫЕ
СОНЕТЫ**

С-Петербург
2008

Шри Ауробиндо
ИЗБРАННЫЕ СОНЕТЫ

ISBN 5-7938-0048-4

© Издательство «АДИТИ»

© Фонд интегрального развития человека
«САВИТРИ»

УЧЕНИКИ ШРИ АУРОБИНДО О ЕГО СОНЕТАХ

[Мистические стихи Шри Ауробиндо] несут на себе печать психического, которым проникнуто его возвышенное сверхсознательное видение, выраженное в глубоко личной тональности. Это откровение о великом труде, совершаемом в стремлении воздвигнуть «мост, что обручил бы небеса с землею». Этот мотив часто звучит и в серии поздних сонетов Шри Ауробиндо, в которых он выразил многие свои духовные реализации языком иногда утонченно ясным, иногда — страстно изобильным, но всегда с прямоотой и откровенностью, соответствующей этой автобиографической тональности, которая здесь ощущается отчетливее, чем в большинстве других его стихов-откровений. Особенностью этих сонетов является чувство поразительной близости к реальностям Сверхсознания, выраженным с такой силой и ясностью в человеческом слове, что, кажется, это не просто Неведомое ищет возможности прикоснуться к нашему сознанию, но само наше обычное сознание охватывает и переживает Неведомое... Речь этого сознания, кажется, не просто отмечена прикосновением Сверхсознательного, как это бывало в ранних стихотворениях Шри Ауробиндо, но пребывает в живом единстве с ним, и не просто окрашена характерными тонами высших уровней Сверхсознания — Возвышенного или Озаренного Разума, Интуиции

Избранные сонеты

или Верховного Разума, но вбирает их в себя, осязаемо вибрирует ими... Нередко поэтическое слово здесь поднимается даже в высочайший Духовный Свет.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 130—131

* * *

Большинство сонетов Шри Ауробиндо было написано ближе к концу 30-х годов; кроме того, некоторые из них позднее были отредактированы. За исключением немногих, сонеты были изданы уже после кончины автора. Все они представляют собой его духовную автобиографию. Многим строкам из сонетов можно найти параллели в «Савитри», хотя в нюансах и по задачам они, конечно, могут различаться.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 342—343

* * *

Во многих отношениях эта серия сонетов является лучшим средством приближения к «Савитри» — гигантскому эпосу, которому Шри Ауробиндо дал подзаголовок «Легенда и Символ» и который можно вдобавок описать как «Философию», эпосу, где все уровни духовного слова, которые мы можем выделить, достигают своего полномочного выражения. Во-первых, в сонетах также присутствует элемент духовной автобиографии, который в «Савитри», хотя

Ученики Шри Ауробиндо о его сонетах

и в форме имперсонального повествования, выражен с подробной и изобильной ясностью. Во-вторых, в них, как и в «Савитри», присутствует элемент духовной философии, изложенной в форме общих идей, нисходящих из Сверхсознания и обретающих светоносное выражение в безмолвном разуме йогина: гармония стройной мысли, выражающей мистическое видение, прикосновение и знание супраинтеллектуального сознания. Кроме того, и метр этих сонетов, пятистопный ямб, словно предвосхищает пятистопный размер «Савитри», а редкий перенос в строках делает сходство еще более очевидным... Да и значительное число ритмических модуляций — стопы спондея, анапеста, дактиля, трохея или пиррихия — на общей основе ямба очень напоминают технику белого стиха, используемую Шри Ауробиндо в «Савитри».

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 133—135

* * *

Серия автобиографических сонетов, написанная Шри Ауробиндо в конце 30-х — начале 40-х годов, ... является своеобразным дополнением к «Савитри» и даже в чем-то обогащает ее содержание. В то же время, эти сонеты имеют свой уникальный характер... Нужно рассматривать эти сонеты Шри Ауробиндо как ритмические дневниковые записи опытов и реализаций духовного искателя, следующего по пути Интегральной

Избранные сонеты

Йоги, — его переживаний на всех планах бытия, от пучин Несознания до вершин Сверхсознательных царств.

К. Р. Шриниваса Айенгар.

Шри Ауробиндо: биография и история, с. 1176

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поэт — и об этом знали древние — призван быть провидцем, а не просто сочинителем виршей, не просто менестрелем, рапсодом или трубадуром; он прибегает к поэтическим средствам не только для изложения собственных мыслей. Он устремляет взор в те сферы, которых не достигает зрение поверхностного ума, и находит слово-откровение, не просто точное и действенное, но озаренное и озаряющее, вдохновенное и единственно верное слово, которое заставляет прозреть и нас.

Поэзия будущего, с. 10

Таковы, по мнению Шри Ауробиндо, качества подлинного поэта, и именно эти качества воплотил в себе сам Шри Ауробиндо — великий провидец, мудрец, йогин, открывший перед человечеством новые горизонты бытия и осознания, поэт, воплотивший свои поразительные открытия в не менее поразительной поэзии, сформулировавший принципы поэзии будущего и реализовавший эти принципы в собственных поэтических произведениях.

В последние годы на русский язык переведен ряд философских работ Шри Ауробиндо, а также некоторые исследования, посвященные его жизни и деятельности, представившие российскому читателю жизненный путь Ауробиндо-революционера и общественного

Избранные сонеты

деятеля, круг идей Ауробиндо-мыслителя, духовные завоевания Ауробиндо-йоги. Однако до настоящего времени мы еще очень мало знакомы с творчеством Ауробиндо-поэта, а ведь именно поэзии Шри Ауробиндо уделял особое внимание (сам он считал себя в первую очередь «поэтом и политиком, а вовсе не философом») поскольку, во-первых, был прирожденным поэтом, для которого поэзия была не «боядерой ума», а способом бытия, способом восприятия мира (поэзией проникнуты даже его сложнейшие мировоззренческие произведения), а во-вторых, полагал, что только поэтическое слово способно выразить истины более высоких планов бытия, достигаемых в ходе духовной практики, и позволить другим ищущим сопережить реальности этих миров, ожидающих завоевателей духа:

Поэзия способна приоткрыть в слове безграничные значения, лежащие за пределами того ограниченно-интеллектуального значения, которое оно обычно имеет. Она выражает не только заурядное жизненное сознание человека, как то делает обычное примитивное слово, не только идеи его интеллекта, которому в настоящее время чаще всего служит речь, но живой опыт, видение, взгляды более возвышенной и широкой его души. Делая их реальными для нашего жизненного сознания, обнаруживая их присутствие перед нашим интеллектом,

Предисловие

она при помощи слова распахивает перед нами врата Духа.

Поэзия будущего, с. 14

Между тем поэтическое наследие Шри Ауробиндо при близком с ним соприкосновении заставляет говорить об авторе, как, по меньшей мере, об одном из величайших поэтов нашего времени и мировой литературы в целом. В этом сборнике мы представляем вам одно из блистательнейших проявлений поэтического гения Шри Ауробиндо — его сонеты. Для удобства читателя и в образовательных целях все произведения в сборнике приводятся с параллельным оригинальным текстом на английском языке.

На протяжении веков форма сонета претерпевала изменения, отвечая велениям времени, национальным особенностям, творческим задачам поэтов. Но суть ее всегда оставалась неизменной: это глубокий лиризм, внутренний драматизм, а также, в первую очередь, яркая диалектичность, изначально присущие сонету. Вероятно, благодаря этим качествам сонет стал одной из главных выразительных форм в творчестве Шри Ауробиндо. Удивительно, как Мастер Йоги смог запечатлеть в классической сонетной форме свои духовные опыты и переживания, лежащие за пределами ментального восприятия человека, возвысив обычный сонет до откровения, до поэтической мантры.

Избранные сонеты

В поэтическом творчестве Шри Ауробиндо можно выделить три периода: ранний (примерно до 1907 г.), соответствующий в его жизни периоду внутреннего роста, первых духовных поисков и реализаций; зрелый (примерно с 1908 по 1930 г.) — время, когда он расширял свои великие реализации и закреплялся на высочайших духовных вершинах; и поздний (после 1930 г.), когда в полную силу проявился божественный гений Шри Ауробиндо. Именно в этот период он создал наиболее выдающиеся свои произведения: сонеты, стихотворения, эпос «Савитри» — и именно произведения этого периода, главным образом, представлены в настоящем сборнике.

Шри Ауробиндо использовал сонетную форму уже в ранний период своего творчества — в годы пребывания в Бароде он сочинил ряд замечательных сонетов глубокого духовно-философского содержания; к этому же периоду относится и серия из 14 лирических сонетов, посвященных любовным переживаниям поэта. Вновь Шри Ауробиндо обратился к сонету в конце 30-х годов, в зените своей провидческой силы. Всего в этот период им создано 73 сонета, причем 41 сонет был написан в сентябре-ноябре 1939 г. в течение менее чем двух месяцев. Создается ощущение, что великий йогин решил отразить в сонетной форме свои главные реализации и прозрения, весь свой духовный путь. Эти сонеты стали своеобразным поэтическим дневником йоги Шри Ауробиндо, блистательным

Предисловие

и проникновенным. Первые 3 сонета, представленные в сборнике, относятся к раннему периоду творчества автора; остальные 56 — к позднему.

В сборник включены наиболее яркие сонеты Шри Ауробиндо, в которых отражены все главные духовные реализации его йоги. Однако Шри Ауробиндо не был мистиком, ищущим спасения в возвышенных небесах. Он пришел не только для того, чтобы покорить высшие планы, но и чтобы низвести новое супраментальное Творение в нашу земную жизнь, для того, чтобы, используя эту всемогущую силу, сделать жизнь на Земле Жизнью Божественной. Поэтому в поэзии Шри Ауробиндо отражена и его беспримерная борьба с всемирным Бессознанием, Тьмою, враждебными Силами.

Поэзия Шри Ауробиндо, вероятно, наиболее полно отражает его подлинную, духовную биографию, скрытую от внешних глаз, и фактически является единственным и самым достоверным документальным свидетельством его великих свершений. Кроме того, в соответствии со своей концепцией, состоящей в том, что поэтическое слово лучше всего способно выразить реальности высших планов бытия, пробудить сознание читателя и заронить в него вибрации этих планов, Шри Ауробиндо стремился создать не просто поэзию, но мантру, слово-откровение, слово-реальность, считая при этом свои поэтические работы наиболее важными во всем

Избранные сонеты

разностороннем корпусе своих сочинений. В одном из писем он дает следующее определение мантры:

Мантра это слово силы и света, вдохновенное Верховным разумом или одним из очень высоких планов Интуиции. Она характеризуется языком, который выражает бесконечно больше, чем то, что, как кажется, явствует из самих слов, ритмом, который даже еще более значителен, чем язык, и который рождается в Бесконечности и исчезает в ней, и силой, позволяющей выразить не просто ментальные, витальные или физические темы, мотивы или ценности, провозглашенные в словах, но их значение и образ в некоем фундаментальном и изначальном сознании, пребывающем по ту их сторону и превосходящем их...

Письма о поэзии, литературе и искусстве, с. 370

Вряд ли можно сказать о мантрическом слове лучше, чем это сделано в следующей строке «Савитри», которая и сама является мантрой:

*Созвучья-волны виденья, что льются
Из сокровенных родников души.*

(Sight's sound-waves breaking
from the soul's great deeps.)

Савитри, с. 383

Предисловие

В индийской духовной традиции мантрическая поэзия играет ведущую роль. Все главные произведения Индии, которые, без преувеличения можно сказать, создали великую культуру этой страны: Веда, Упанишады, Бхагавадгита — представляют собой мантры. Они веками использовались духовными искателями для пробуждения сознания и постижения высших планов Бытия, высшей Реальности.

И Шри Ауробиндо задался целью выразить мантры Верховного Разума, используя английский, который волею Божественного провидения стал для него родным языком. Все его поздние произведения в той или иной мере несут в себе силу мантры, но полностью эта цель реализовалась, конечно, в «Савитри», в которой он поистине воплотил «...продолжительное вдохновение, исходящее из Верховного Разума» в пробуждающих строках могучей мистической поэзии. Поэтому изучение поэтического наследия Шри Ауробиндо, особенно произведений, относящихся к позднему периоду его творчества, представляется наиболее ценным с точки зрения как глубинного понимания его духовного пути, так и реального, практического осознания центральных опытов и реализаций его йоги.

Читая строки, написанные Шри Ауробиндо, нужно помнить, что каждое слово в них, каждый образ, каждая метафора являются плодом пережитого, выражением Реальности не менее, а, вероятно, гораздо более

Избранные сонеты

реальной, чем тот мир, который привыкли воспринимать мы в своей повседневной жизни.

В этих удивительных строках слышится поступь новой эпохи, сулящей человеку осуществление самых дерзновенных его устремлений, эпохи, когда свежие потоки Духа вторгнутся во все сферы человеческой деятельности, готовя приход нового мира. И быть может, именно Слову, воплощенному в великой духовной поэзии, уготовано сыграть в этом Свершении ведущую роль.

Величайшие достижения сулит нам грядущая эпоха, если человечество реализует открывающиеся перед ним высочайшие и широчайшие возможности и не погрязнет в трясине низших жизненных интересов или не предпочтет остаться в загоне материалистического мировоззрения; ибо это будет время, когда все миры начнут открываться испытующему взору, приглашая человека воплотить в жизнь их дотоле сокровенные реальности, и он приблизится к откровению Духа, в свете которого все они предстают... лишь затемняющими покрывами, многозначными образами и символами или же прозрачными одеяниями этой единой Реальности. И пока нельзя предугадать, к каким еще великим свершениям поведет нас наша судьба.

Поэзия будущего, с. 10

ИЗБРАННЫЕ СОНЕТЫ

I have a hundred lives

I have a hundred lives before me yet
To grasp thee in, O Spirit ethereal,
Be sure I will with heart insatiate
Pursue thee like a hunter through them all.
Thou yet shalt turn back on the eternal way
And with awakened vision watch me come
Smiling a little at errors past and lay
Thy eager hand in mine, its proper home.
Meanwhile made happy by thy happiness
I shall approach thee in things and people dear,
And in thy spirit's motions half-possess,
Loving what thou hast loved, shall feel thee near,
Until I lay my hands on thee indeed
Somewhere among the stars, as 'twas decreed.

Сто сотен жизней

Еще сто сотен жизней предо мной,
Чтобы настичь тебя, о Дух предвечный,
И, знай, я буду гнаться за тобой
Из жизни в жизнь, томим тоской сердечной.
Однажды ты поход замедлишь свой,
Оглянешься, меня одаришь взглядом
И, улыбнувшись скудости былой,
Протянешь руку мне, мою отраду.
И, счастием твоим счастливым став,
В родном и милом я тебя увижу
И, действиям твоим себя предав,
Любя, что любишь ты, к тебе приближусь —
И, наконец, сольемся мы в одно
В межзвездных далях... Так предрешено!

To weep because a glorious sun

To weep because a glorious sun has set
Which the next morn shall gild the east again,
To mourn that mighty strengths must yield to fate
Which by that fall a double force attain,
To shrink from pain without whose friendly strife
Joy could not be, to make a terror of death
Who smiling beckons us to farther life
And is a bridge for the persistent breath;
Despair and anguish and the tragic grief
Of dry set eyes, or such disastrous tears
As rend the heart, though meant for its relief,
And all man's ghastly company of fears
Are born of folly that believes the span
Of life the limit of immortal man.

«Впадать в унынье...»

Впадать в унынье при заходе солнца,
Что завтра вновь позолотит восток;
Страдать, что сильный пред судьбою гнется,
Хоть силу лишь выковывает рок;
Бежать от боли, что в игре великой
Питает радость; ненавидеть смерть,
Что к новой жизни нас влечет с улыбкой,
Во тлении не дав душе истлеть;
В отчаянии жить, скорбеть жестоко
И слез не находить иль так рыдать,
Чтоб сердце разорвалось прежде срока;
С ордою зыбких страхов воевать —
Готов глупец, измерив краткий век,
Не веря, что бессмертен человек.

What is this talk

What is this talk of slayer and of slain?
Swords are not sharp to slay nor floods assuage
This flaming soul. Mortality and pain
Are mere conventions of a mightier stage.
As when a hero by his doom pursued
Falls like a pillar of the world upturn,
Shaking the hearts of men, and awe-imbued,
Silent the audience sits of joy forlorn,
Meanwhile behind the stage the actor sighs
Deep-lunged relief, puts by what he has been
And talks with friends that waited, or from the flies
Watches the quiet of the closing scene.
Even so the unwounded spirits of slayer and slain
Beyond our vision passing live again.

«Зачем твердить...»

Зачем твердить про жертв и палачей?
Моря не утоляют, меч не ранит
Огня души. Боль пыток и смертей —
Игра в великой театральной драме.
Когда, судьбой настигнутый, герой
Вдруг рухнет наземь, словно столп всемирный,
Всем содрогнув сердца своей игрой,
И зал замрет, благоговейно-смирный, —
В тот самый миг, исполнив роль, актер
В кулисах с облегчением вздыхает,
Смывает грим и с другом разговор
Ведет иль зал притихший озирает.
Так дух бессмертный жертв и палачей
Живет, невидим для земных очей.

The Human Enigma

A deep enigma is the soul of man.

His conscious life obeys the Inconscient's rule,

His need of joy is learned in sorrow's school,

His heart is a chaos and an empyrean.

His subtle ignorance borrows Wisdom's plan;

His mind is the Infinite's sharp and narrow tool.

He wades through mud to reach the Wonderful,

And does what Matter must or Spirit can.

All powers in his living's soil take root

Hoping to grow and dominate the earth.

This little creature mind that would be great

Is Nature's fool and Godhead's struggling birth,

A demigod and a demon and a brute,

The slave and the creator of his fate.

Загадка человека

Загадка человека не пройдет.

 Душа его приемлет Тьмы покров,

 Он в муках постигает счастья зов

И с небесами в сердце ад несет.

Его незнание — Мудрости оплот,

 В уме его Безмерность ищет кров.

 Идет он к Чистоте тропой грехов;

Возносит Дух его иль плоть гнетет.

Все силы в нем сплелись в живой клубок,

 Стремясь достичь над миром торжества:

 Он червь, что жаждет исполином быть,

Паяц Природы, семя Божества, —

 И скот, и дьявол он, и полубог,

 Раб и создатель собственной судьбы.

Man, the Despot of Contraries

I am greater than the greatness of the seas,
 A swift tornado of God-energy;
A helpless flower that quivers in the breeze
 I am weaker than the reed one breaks with ease.

I harbour all the wisdom of the wise
 In my nature of stupendous Ignorance;
On a flame of righteousness I fix my eyes
 While I wallow in sweet sin and join hell's dance.

My mind is brilliant like a full-orbed moon,
 Its darkness is the caverned troglodyte's.
I gather long Time's wealth and squander soon;
 I am an epitome of opposites.

I with repeated life death's sleep surprise;
I am a transience of the eternities.

Человек — деспот противоречий

Я превзошел величие морей,
Я Божьего всесилья ураган —
Сухой тростинки ломкой я слабей,
Бессильный лист, подвластный всем ветрам.

Всю мудрость умудренных я храню
В чудовищном Невежестве своем;
Молюсь я добродетели огню —
И упиваюсь сладостным грехом.

Мой ум сияет, словно лунный лик,
Но в нем таится тьма пещерных дней.
Что нажито за век, я трачу вмиг;
Противоречья собраны во мне.

Перерождаясь, смерть я попираю;
Я вечен, хоть живу и умираю.

Adwaita

I walked on the high-wayed Seat of Solomon
Where Shankaracharya's tiny temple stands
Facing Infinity from Time's edge, alone
On the bare ridge ending earth's vain romance.

Around me was a formless solitude:
All had become one strange Unnamable,
An unborn sole Reality world-nude,
Topless and fathomless, for ever still.

A Silence that was Being's only word,
The unknown beginning and the voiceless end
Abolishing all things moment-seen or heard,
On an incommunicable summit reigned,

A lonely Calm and void unchanging Peace
On the dumb crest of Nature's mysteries.

Адвайта¹

Я поднялся на Соломонов трон,
Где крошечный Шанкарачарьи храм
Глядит в Безбрежье на краю Времен,
Где гибнет жизни тщетная игра.

Был всюду одиночества эфир:
В Невыразимом все нашло прибрег,
В единой Сути, пронизавшей мир,
Нетленной, неколеблемой вовек.

Безмолвье — вечный Бытия глагол,
Неведомый исток, немой венец,
Низвергнув преходящего престол,
Царило в недоступной вышине —

Пустая Тишь, незыблемый Покой —
Природных тайн вершиною немой.

¹ Описывается один из ранних спонтанных духовных опытов автора: «...постижение пустоты Бесконечного во время прогулки по горному хребту Тахт-и-Сулейман (Соломонов трон) в Кашмире».

The Stone Goddess

In a town of gods, housed in a little shrine,
From sculptured limbs the Godhead looked at me, —
A living Presence deathless and divine,
A Form that harboured all infinity.

The great World-Mother and her mighty will
Inhabited the earth's abysmal sleep,
Voiceless, omnipotent, inscrutable,
Mute in the desert and the sky and deep.

Now veiled with mind she dwells and speaks no word,
Voiceless, inscrutable, omniscient,
Hiding until our soul has seen, has heard
The secret of her strange embodiment,

One in the worshipper and the immobile shape,
A beauty and mystery flesh or stone can drape.

Каменная богиня¹

Из скромной ниши в городе богов
Вдруг на меня взглянуло Божество —
Вселенной Мать сквозь каменный покров
Явила чудо Лика своего.

Бессмертна и вольна, она сама
Вселилась в необъятный сон земной,
Таинственна, всеильна и нема —
В пустыне ль, в небе вещей глубиной —

И, скрытая умом, теперь живет,
Таинственна, безмолвна и светла,
И ждет, пока душа в нас не поймет,
Зачем в земную жизнь она пришла.

В недвижимом камне и в людских сердцах
Она таится, оживляя прах.

¹ Описывается один из ранних спонтанных духовных опытов автора: «...живое присутствие Кали в святилище на берегах Нармады».

The Hill-Top Temple

After unnumbered steps of a hill-stair

I saw upon earth's head brilliant with sun

The immobile Goddess in her house of stone

In a loneliness of meditating air.

Wise were the human hands that set her there

Above the world and Time's dominion;

The Soul of all that lives, calm, pure, alone,

Revealed its boundless self mystic and bare.

Our body is an epitome of some Vast

That masks its presence by our humanness.

In us the secret Spirit can indite

A page and summary of the Infinite,

A nodus of Eternity expressed

Live in an image and a sculptured face.

Нагорный храм¹

Ступеней чередой взойдя над миром,
Во храме на сверкающей вершине
Я встретил взгляд изваянной Богини,
Застывшей в созерцательном эфире.
Ваятель мудрый здесь воздвиг кумира
Над временем, в объятьях вечной сини;
Душа всех душ, представ в изгибах линий,
Светилась в камне беспредельной ширью.

Наш облик — Бесконечности знаменье:
Сокрытый в человеке Дух великий
В обличье плотском может проявить
Безмерности заветной откровенье
И Вечности загадку приоткрыть
В живых чертах изваянного лика.

¹ Описывается один из ранних спонтанных духовных опытов автора, аналогичный приведенному в предыдущем сонете.

The Godhead

I sat behind the dance of Danger's hooves
 In the shouting street that seemed a futurist's whim,
And suddenly felt, exceeding Nature's grooves,
 In me, enveloping me the body of Him.

Above my head a mighty head was seen,
 A face with the calm of immortality
And an omnipotent gaze that held the scene
 In the vast circle of its sovereignty.

His hair was mingled with the sun and breeze;
 The world was in His heart and He was I:
I housed in me the Everlasting's peace,
 The strength of One whose substance cannot die.

The moment passed and all was as before;
Only that deathless memory I bore.

Божество¹

Сквозь танец Рока в грохоте копыт
И крик людской, как сквозь безумный сон,
Я ощутил, как, взяв бразды Судьбы,
Во мне, обняв меня, явился Он.

Державный лик над головой предстал,
Бессмертия покойные черты
И всемогущий взгляд, что все объял
Всевластием безмолвной широты.

Вплеталось солнце в волосы Его,
В Нем жил весь мир, и все же был Он мной:
Я ощутил всесилье Вечного,
Ко мне пришел Нетленного покой...

Мгновенье — и как прежде жизнь течет,
Но этот миг из сердца не уйдет.

¹ Описывается один из ранних спонтанных духовных опытов автора: «видение поднимающегося изнутри Божества в момент угрозы железнодорожной катастрофы в первый год пребывания в Бароде».

The Dual Being

There are two beings in my single self.

 A Godhead watches Nature from behind
At play in front with a brilliant surface elf,
 A time-born creature with a human mind.

Tranquil and boundless like a sea or sky,
 The Godhead knows himself Eternity's son.
Radiant his mind and vast, his heart as free;
 His will is a sceptre of dominion.

The smaller self by Nature's passions driven,
 Thoughtful and erring learns his human task;
All must be known and to that Greatness given
 This mind and life, the mirror and the mask.

As with the figure of a symbol dance
The screened Omniscient plays at Ignorance.

Двойственное «я»

Два существа сошлись в моем одном.
Великий бог из-за кулис взирает,
Как, суетясь на сцене, бранный гном,
Водимый мыслью, роль свою играет.

Широк, покоен, словно свод небес,
Осиян светом Знания, свободен,
Бог видит сына Вечности в себе,
Повелевая, словно царь, Природе.

Меньшее «я» в страстях привыкло жить,
Блуждать, искать себя сквозь мысли пляску;
Все должно *тем* Величьем осенить:
И ум, и жизнь — и зеркало, и маску.

Всеведущий, как в танце вдохновенном,
В Неведенье играет прикровенно.

“I”

This strutting “I” of human self and pride
Is a puppet built by Nature for her use,
And dances as her strong compulsions bid,
Forcefully feeble, brilliantly obtuse.

Our thinking is her leap of fluttering mind,
We hear and see by her constructed sense:
Our force is hers; her colours have combined
Our fly-upon-the-wheel magnificence.

He sits within who turns on her machine
These beings, portions of his mystery,
Many dwarf beams of his great calm sunshine,
A reflex of his sole infinity.

One mighty Self of cosmic act and thought
Employs this figure of a unit nought.

«Я»

Весь этот гордый призрак, наше «я» —
Лишь инструмент в руках природной Силы,
Подвластный ей беспомощный паяц,
Блистательно тупой, могуче хилый.

В нас бьется мыслью падкий ум ее,
Мы видим, слышим чувств ее устройством:
Всю силу, блеск она лишь нам дает,
Рисуя в зыбких красках наши свойства.

А Тот, кто в колесе ее игры
Вращает эти души, словно блики
Своей лучистой Тайны, скрыт внутри,
Незыблемый, безмерный, солнцеликий.

Единый Дух космических деяний
Стоит за сонмом призрачных созданий.

Nirvana

All is abolished but the mute Alone.

The mind from thought released, the heart from grief
Grow inexistent now beyond belief;

There is no I, no Nature, known-unknown.

The city, a shadow picture without tone,

Floats, quivers unreal; forms without relief

Flow, a cinema's vacant shapes; like a reef

Foundering in shoreless gulfs the world is done.

Only the illimitable Permanent

Is here. A Peace stupendous, featureless, still,

Replaces all, — what once was I, in It

A silent unnamed emptiness content

Either to fade in the Unknowable

Or thrill with the luminous seas of the Infinite.

Нирвана

Все кануло — бездонное Молчанье.

Нет мысли в мозге, боли в сердце нет.

Немыслимым объят весь белый свет;

Нет «я», Природы, знанья и незнанья;

И город, зыбкой тенью на экране,

Плывет, как призрак; образы без черт

Текут, как в фильме; рифом без примет,

В пустынных безднах тонет мирозданье.

Лишь нескончаемая Неизменность

Везде. Покой безликий, недвижимый,

Стер все — и то, что было «мною», в Этом,

Вкусив невыразимую безмерность,

Готово замереть в Непостижимом

Иль слиться с Беспредельным в волнах света.

The Word of the Silence

A bare impersonal hush is now my mind,
A world of sight clear and inimitable,
A volume of silence by a Godhead signed,
A greatness pure of thought, virgin of will.

Once on its pages Ignorance could write
In a scribble of intellect the blind guess of Time
And cast gleam-messages of ephemeral light,
A food for souls that wander on Nature's rim.

But now I listen to a greater Word
Born from the mute unseen omniscient Ray:
The Voice that only Silence' ear has heard
Leaps missioned from an eternal glory of Day.

All turns from a wideness and unbroken peace
To a tumult of joy in a sea of wide release.

Слово Безмолвия

Мой разум стал безмолвием безличным,
Простором света, чистым, неземным,
Всевластным и всеведущим величьем,
Открытой Богу книгой тишины.

Неведение в ней писало прежде
Невнятные каракули ума:
Догадки слепоты, слова надежды —
Спасенье душ, блуждающих впотьмах.

А ныне я внимаю Слову свыше —
Немой, всезрящий Луч достиг меня,
И Глас, что лишь Безмолвья уху слышен,
Нисходит из немеркнувшего Дня;

И я плыву сквозь ширь и мир могучий
В моря свободы к радости кипучей.

Liberation

I have thrown from me the whirling dance of mind
And stand now in the spirit's silence free;
Timeless and deathless beyond creature-kind,
The centre of my own eternity.

I have escaped and the small self is dead;
I am immortal, alone, ineffable;
I have gone out from the universe I made,
And have grown nameless and immeasurable.

My mind is hushed in a wide and endless light,
My heart a solitude of delight and peace,
My sense unsnared by touch and sound and sight,
My body a point in white infinities.

I am the one Being's sole immobile Bliss:
No one I am, I who am all that is.

Освобождение (1)

Пустую пляску мыслей отменя,
В безмолвьи духа я стою над ней;
Из твари брэнной стал бессмертным я,
Стал откровеньем вечности своей.

Свобода!.. Эго жалкое мертво:
Нетленен, вездесущ, неизъясним,
Я вырвался из мира своего
И стал неведом и неизмерим.

Молчит мой ум, впустив безбрежный свет,
И сердце полно сладкой тишины,
И чувству моему предела нет,
И тело — капля в море белизны.

Я стал блаженным Миро-Бытием —
И все же я ничто, я, ставший всем.

The Greater Plan

I am held no more by life's alluring cry,
Her joy and grief, her charm, her laughter's lute.
Hushed are the magic moments of the flute,
And form and colour and brief ecstasy.
I would hear, in my spirit's wideness solitary,
The Voice that speaks when mortal lips are mute:
I seek the wonder of things absolute
Born from the silence of Eternity.

There is a need within the soul of man
The splendours of the surface never sate;
For life and mind and their glory and debate
Are the slow prelude of a vaster theme,
A sketch confused of a supernal plan,
A preface to the epic of the Supreme.

Высший Замысел

Я жизни кличем больше не пленен,
Ее игрою, лютни смеха пеньем.
Умолкли флейты чудные мгновенья,
Услады, муки, черт и красок звон.
И, тишиною духа поглощен,
Я слышу Глас беззвучный Откровенья
И устремляюсь к высшим озареньям,
Чей зов в безмолвьях Вечности рожден.

В душе людской таится пыл нетленный,
Что не унять восторгам внешней сцены;
Ведь жизнь и ум, их битвы и дерзанья —
Лишь отзвуки грядущей высшей Темы,
Лишь первый проблеск Замысла вселенной,
Лишь присказка всевышнего Сказанья.

Liberation

My mind, my soul grow larger than all Space;
Time founders in that vastness glad and nude:
The body fades, an outline, a dim trace,
A memory in the spirit's solitude.

This universe is a vanishing circumstance
In the glory of a white infinity
Beautiful and bare for the Immortal's dance,
House-room of my immense felicity.

In the thrilled happy giant void within
Thought lost in light and passion drowned in bliss,
Changing into a stillness hyaline,
Obey the edict of the Eternal's peace.

Life's now the Ineffable's dominion;
Nature is ended and the spirit alone.

Освобождение (2)

Мой дух, мой ум весь космос превзошли:
Пространство, Время тонут в белой шири,
И тело тает, контур, смутный блик,
Воспомяненье в беспредельном Мире.

Весь космос — лишь пылинка в танце сфер,
В разлете бесконечностей блаженных, —
Обитель Духа, Вечного шедевр,
Моей безмерной радости арена.

И тает в свете мысль, в восторге — страсть,
Объятые бездонной пустотою,
Безмолвием хрустальным становясь,
Отдавшись власти вечного Покоя.

Вся жизнь теперь — Немыслимого ритм;
Природы больше нет — лишь дух царит.

Cosmic Consciousness

I have wrapped the wide world in my wider self
 And Time and Space my spirit's seeing are.
I am the god and demon, ghost and elf,
 I am the wind's speed and the blazing star.

All Nature is the nursling of my care,
 I am the struggle and the eternal rest;
The world's joy thrilling runs through me, I bear
 The sorrow of millions in my lonely breast.

I have learned a close identity with all,
 Yet am by nothing bound that I become;
Carrying in me the universe's call
 I mount to my imperishable home.

I pass beyond Time and life on measureless wings,
Yet still am one with born and unborn things.

Космическое Сознание

Весь мир бескрайний я в себе вместил,
Весь космос — сцена духа моего.
Я резвость ветра и огонь светил,
Я бог и бес, я гном и домовой.

Вся Жизнь — мое возлюбленное чадо:
Я и борьба, и вечный упокой;
В моей груди страданий мириады
И радость мира трепетной рекой.

Со всем, что есть, отождествился я
И все ж ни чем не связан во вселенной
И, всех созданий зов в себе неся,
Стремлюсь к своей обители нетленной.

Над Временем, над жизнью я взмываю,
И все ж в единстве с миром пребываю.

The Cosmic Spirit

I am a single Self all Nature fills.

Immeasurable, unmoved the Witness sits:
He is the silence brooding on her hills,
The circling motion of her cosmic might.

I have broken the limits of embodied mind
And am no more the figure of a soul.
The burning galaxies are in me outlined;
The universe is my stupendous whole.

My life is the life of village and continent,
I am earth's agony and her throbs of bliss;
I share all creatures' sorrow and content
And feel the passage of every stab and kiss.

Impassive, I bear each act and thought and mood;
Time traverses my hushed infinitude.

Космический Дух

Единый Дух, я обнял всю Природу,
Свидетель вечный, целый мир вместил:
И упокой высот ее свободы,
И круговерть ее вселенских сил.

Телесного ума я сбросил узы,
Быть перестал душой, одетой в плоть.
Во мне галактик пламенеют друзья:
Весь грандиозный космос — мой оплот!

Материком и городком живу я,
Вбираю боль земли и сладкий пыл;
Я в каждой ране, в каждом поцелуе —
Всех тварей скорбь и радость я вкусил.

Бесстрастный, я несу вселенной бремя
В безбрежной тишине, где тонет Время.

The Indwelling Universal

I contain the wide world in my soul's embrace:

 In me Arcturus and Belphegor burn.

 To whatsoever living form I turn

I see my own body with another face.

All eyes that look on me are my sole eyes;

 The one heart that beats within all breasts is mine.

 The world's happiness flows through me like wine,

Its million sorrows are my agonies.

Yet all its acts are only waves that pass

 Upon my surface; inly for ever still,

 Unborn I sit, timeless, intangible:

All things are shadows in my tranquil glass.

My vast transcendence holds the cosmic whirl;

I am hid in it as in the sea a pearl.

Вселенское Присутствие

Весь мир своей душою я объял:
Во мне горят Арктур и Бельфегор.
На что живое ни падет мой взор,
Себя в ином обличье вижу я.

Из каждых глаз мои глаза глядят;
Во всех сердцах стучит мое одно;
Пью счастье мира — сладкое вино
И мук несметных поглощаю яд.

Но не затронут я теченьем дней;
Как океан, в глубинах недвижим,
Я зиждусь, вечен, тих, непостижим:
Вся жизнь — лишь тень в прозрачности моей.

Мой дух вместил миров круговорот;
Я в нем — как перл в пучине вечных вод.

Life-Unity

I housed within my heart the life of things,
All hearts athrob in the world I felt as mine;
I shared the joy that in creation sings
And drank its sorrow like a poignant wine.

I have felt the anger in another's breast,
All passions poured through my world-self their waves;
One love I shared in a million bosoms expressed.
I am the beast man slays, the beast he saves.

I spread life's burning wings of rapture and pain;
Black fire and gold fire strove towards one bliss:
I rose by them towards a supernal plane
Of power and love and deathless ecstasies.

A deep spiritual calm no touch can sway
Upholds the mystery of this Passion-play.

Жизнь-Единство

Несметных тварей жизнь я в сердце приютил,
Биенье всех сердец сошлось в моем одном;
Поющую в творенье радость я вкусил
И скорбь его испил, отравленным вином.

В моем всемирном «я» — все страсти, плеском волн,
Весь гнев я ощутил, что жжет сердца другим;
Отведал я любовь — одну в миллионах лон.
Я зверь, спасенный смертным, зверь, убитый им.

Я боль и сладость жизни крыльями простер;
Златой и черный огонь слились в блаженстве вновь,
И вот я воспарил в возвышенный простор,
Вкусил экстаз бессмертный, силу и любовь.

Безбóрежный покой, объемля все миры,
Несет мистерию той пламенной Игры.

Krishna

At last I find a meaning of soul's birth
 Into this universe terrible and sweet,
I who have felt the hungry heart of earth
 Aspiring beyond heaven to Krishna's feet.

I have seen the beauty of immortal eyes,
 And heard the passion of the Lover's flute,
And known a deathless ecstasy's surprise
 And sorrow in my heart for ever mute.

Nearer and nearer now the music draws,
 Life shudders with a strange felicity;
All Nature is a wide enamoured pause
 Hoping her lord to touch, to clasp, to be.

For this one moment lived the ages past;
The world now throbs fulfilled in me at last.

Кришна

Я понял все ж, зачем душе нужна
Земная жизнь, жестока и сладка, —
В груди земли я жажду осознал,
Хоть к стопам Кришны шел за облака.

Узрел я красоту бессмертных глаз,
Возлюбленного флейту услышал,
Непреходящий пережил экстаз
И сердца онемевшего печаль.

Все ближе, ближе музыка поет,
Пылает жизнь блаженством неземным;
Природа, замерев от счастья, ждет
Владыку своего, чтоб слиться с ним.

Сей миг — веков бесчисленных венец...
Трепещет мир, исполнившись во мне.

Because Thou art

Because Thou art All-beauty and All-bliss,
My soul blind and enamoured yearns for Thee;
It bears Thy mystic touch in all that is
And thrills with the burden of that ecstasy.

Behind all eyes I meet Thy secret gaze
And in each voice I hear Thy magic tune:
Thy sweetness hunts my heart through Nature's ways;
Nowhere it beats now from Thy snare immune.

It loves Thy body in all living things;
Thy joy is there in every leaf and stone:
The moments bring Thee on their fiery wings;
Sight's endless artistry is Thou alone.

Time voyages with Thee upon its prow —
And all the future's passionate hope is Thou.

«К Тебе лишь...»

К Тебе лишь, о Вседивный, Всеблаженный,
Влечется слепо вся моя душа,
Во всем лоя Твой отклик сокровенный,
Под бременем восторга трепеща.

Во всех глазах Твои лишь скрыты очи
И в каждом глазе — Твой волшебный зов:
Ты сердце мне пленить повсюду хочешь,
Во всех обличьях — страсть Твоих силков.

Тебя лишь я люблю во всех твореньях;
В былинке, в камне — Твой кипит экстаз:
Ты мчишь на крыльях пламенных мгновений;
Весь мир Твоя объяла красота.

Тебя лишь вижу я в челне Времен —
И пыл надежд к Тебе лишь устремлен.

Omnipresence

He is in me, round me, facing everywhere.

Self-walled in ego to exclude His right,
I stand upon its boundaries and stare
Into the frontiers of the Infinite.

Each finite thing I see is a facade;

From its windows looks at me the Illimitable.
In vain was my prison of separate body made;
His occult presence burns in every cell.

He has become my substance and my breath;

He is my anguish and my ecstasy.
My birth is His eternity's sign, my death
A passage of His immortality.

My dumb abysses are His screened abode;

In my heart's chamber lives the unworshipped God.

Всеприсутствие

Он вокруг меня, во мне — везде и всюду.
В застенках эго скрывшись от Него,
Я жил, но вот я вырвался оттуда,
Пленный беспредельностью Его.

Конечного низвергнуты пределы,
И отовсюду Бесконечный зрит.
Напрасно было мне темницей тело,
Ведь в каждой клетке огонь Его горит.

Он стал моим блаженством и мученьем,
Моею плотью и дыханьем стал.
Знак вечности Его — мое рожденье,
А смерть — Его бессмертия врата.

В моих немых пучинах Он живет —
Во храме сердца Бог безвестный ждет.

Lila

In us is the thousandfold Spirit who is one,
 An eternal thinker calm and great and wise,
A seer whose eye is an all-regarding sun,
 A poet of the cosmic mysteries.

A critic Witness pieces everything
 And binds the fragments in his brilliant sheaf;
A World-adventurer borne on Destiny's wing
 Gambles with death and triumph, joy and grief.

A king of greatness and a slave of love,
 Host of the stars and guest in Nature's inn,
A high spectator Spirit throned above,
 A pawn of passion in the game divine,

One who has made in sport the suns and seas
Mirrors in our being his immense caprice.

Ли́ла — вселенская игра

В нас — многоликий Дух, что все ж един,
Мыслитель вечный, светел, мудр, велик,
Пророк, что знает бремя всех глубин,
Поэт вселенских таинств и интриг.

Свидетель строгий видит все во всем,
Из мелочей слагая дивный мир;
Игрок всемирный, Жребием несом,
Встречает скорбь и радость, бой и пир.

Величья господин и раб любви,
Хозяин звезд и гость в земном дворе,
Всезрящий Дух, что в вышине царит,
Слуга страстей в божественной игре —

Тот, кто создал в забаве тьму и свет,
В нас отражает чудный свой Сюжет.

The Universal Incarnation

There is a Wisdom like a brooding Sun,
A Bliss in the heart's crypt grown fiery white,
The heart of a world in which all hearts are one,
A Silence on the mountains of delight.

A Calm that cradles Fate upon its knees;
A wide Compassion leans to embrace earth's pain;
A Witness dwells within our secrecies,
The incarnate Godhead in the body of man.

Our mind is a glimmering curtain of that Ray,
Our strength a parody of the Immortal's power,
Our joy a dreamer on the Eternal's way
Hunting the fugitive beauty of an hour.

Only on the heart's veiled door the word of flame
Is written, the secret and tremendous Name.

Вездесущее Воплощение

Есть Мудрость, что сияет думой Солнца,
Блаженство в белом пламени души,
Есть Сердце, что во всяком сердце бьется,
Безмолвие пленительных вершин.

Есть Милосердье, что весь мир спасает,
Покой, в чьих дланях засыпает Рок;
Свидетель в нашем сердце пребывает,
Неуязвимый в смертном теле бог.

Наш разум лишь туманит Свет, вуалью,
Лишь искра высшей Силы тлеет в нас,
И радость наша грезит вечной далью,
За мимолетной прелестью гонясь.

Лишь на воротах души пылает зримо
Безмерное таинственное Имя.

The One Self

All are deceived, do what the One Power dictates,
 Yet each thinks his own will his nature moves;
The hater knows not 'tis himself he hates,
 The lover knows not 'tis himself he loves.

In all is one being many bodies bear;
 Here Krishna flutes upon the forest mood,
Here Shiva sits ash-smear'd, with matted hair.
 But Shiva and Krishna are the single God.

In us too Krishna seeks for love and joy,
 In us too Shiva struggles with the world's grief.
One Self in all of us endures annoy,
 Cries in his pain and asks his fate's relief.

My rival's downfall is my own disgrace;
I look on my enemy and see Krishna's face.

Единая Личность

Единый движет всем, и все же каждый
Считает, что себе хозяин он, —
Разя, не знает, что разит себя же,
Любя, не знает, что в себя влюблен.

В обличиях несметных скрыт Единый;
Вот со свирелью Кришна-пастушок,
Вот Шива-аскет, гол, измазан глиной.
Но Шива с Кришной — суть единый Бог.

В нас молит Кришна о любви и счастье,
И бьется Шива с болью мировой.
Во всех Единый страждет от несчастий,
От горя стонет, борется с судьбой.

Врага паденье станет и моим —
Был враг, а ныне Кришна скрыт за ним.

The Divine Worker

I face earth's happenings with an equal soul;
In all are heard Thy steps: Thy unseen feet
Tread Destiny's pathways in my front. Life's whole
Tremendous theorem is Thou complete.

No danger can perturb my spirit's calm:
My acts are Thine; I do Thy works and pass;
Failure is cradled on Thy deathless arm,
Victory is Thy passage mirrored in Fortune's glass.

In this rude combat with the fate of man
Thy smile within my heart makes all my strength;
Thy Force in me labours at its grandiose plan,
Indifferent to the Time-snake's crawling length.

No power can slay my soul; it lives in Thee.
Thy presence is my immortality.

Божественный работник

Мой дух покоен пред игрой земною;
Твои шаги — повсюду: Ты идешь,
Незримый Поводырь, передо мною.
Вопросу жизни Ты ответ даешь.

Душа не знает страха и сомненья:
Я, Твой свершая труд, стремлюсь вперед;
Ведь спит в Твоих объятьях поражение,
В очах Фортуны — шаг Твоих побед.

Ты силы даришь мне в бою с судьбою —
Твоя улыбка в сердце у меня;
Твой мудрый план свершается Тобою,
Пусть растянулась Времени змея.

Живя в Тебе, мой дух не знает смерти.
Покуда Ты со мною, я бессмертен.

The Infinite Adventure

On the waters of a nameless Infinite
My skiff is launched; I have left the human shore.
All fades behind me and I see before
The unknown abyss and one pale pointing light.
An unseen Hand controls my rudder. Night
Walls up the sea in a black corridor, —
An unconscious Hunger's lion plaint and roar
Or the ocean sleep of a dead Eremite.

I feel the greatness of the Power I seek
Surround me; below me are its giant deeps,
Beyond, the invisible height no soul has trod.
I shall be merged in the Lonely and Unique
And wake into a sudden blaze of God,
The marvel and rapture of the Apocalypse.

Беспредельное странствие

По водам Беспредельности безвестной
Плывет мой челн; я брег людской покинул.
Все скрылось позади, и лишь пучины
Передо мной да огонек заветный.
Незримый Кормчий за штурвалом... В бездны
Тьмы мчится море, черною стремниной, —
Лишь голод Несознания, воем львиным,
Да, океаном, сон Скитальца смертный...

Я вижу всюду Силу, что искал я,
Ее стихия подо мной бушует,
И жаждет дух высот непокоренных.
Я скроюсь в Одиноком, в Уникальном,
И, Божьим пламенем вдруг пробужденный,
Я встречу Апокалипсис, ликуя.

The Inner Sovereign

Now more and more the Epiphany within
Affirms on Nature's soil His sovereign rights.
My mind has left its prison-camp of brain;
It pours, a luminous sea from spirit heights.

A tranquil splendour, waits my Force of Life
Couched in my heart, to do what He shall bid,
Poising wide wings like a great hippogriff
On which the gods of the empyrean ride.

My senses change into gold gates of bliss;
An ecstasy thrills through touch and sound and sight
Flooding the blind material sheath's dull ease:
My darkness answers to His call of light.

Nature in me one day like Him shall sit
Victorious, calm, immortal, infinite.

Внутренний Владыка

Все шире Откровение во мне
Закон Его над перстью утверждает.
Парит мой ум в безбрежной вышине,
Темницу мозга солнцем озаряет.

Светла, покойна, Сила Жизни ждет
Его велений властных, в сердце рея
Могучим гиппогрифом, что несет,
Раскинув крылья, детищ эмпирея.

Из чувств моих — златых блаженства врат, —
Вздымая косный прах усладой дивной,
Касанья, звуки, образы спешат:
В мой сумрак льется свет Его призывный.

Он овладеет мною безраздельно,
Нетленный, всемогущий, беспредельный.

Light

Light, endless Light! darkness has room no more,
Life's ignorant gulfs give up their secrecy:
The huge unconscious depths unplumbed before
Lie glimmering in vast expectancy.

Light, timeless Light immutable and apart!
The holy sealed mysterious doors unclose.
Light, burning Light from the Infinite's diamond heart
Quivers in my heart where blooms the deathless rose.

Light in its rapture leaping through the nerves!
Light, brooding Light! each smitten passionate cell
In a mute blaze of ecstasy preserves
A living sense of the Imperishable.

I move in an ocean of stupendous Light
Joining my depths to His eternal height.

Свет

Свет, беспредельный Свет! нет мраку места боле;
Раскрылась жизни глубь, неведомая прежде:
Пучины Несознания, тайные дотоле,
Лежат, мерцая, в ожидании безбрежном.

Свет, негасимый Свет, бессмертный, безупречный!
Святые тайные врата теперь открыты;
Свет, жаркий Свет трепещет в сердце розой вечной,
Алмазным сердцем Бесконечного излитый.

Свет, что огнем восторга каждый нерв пронзает!
Свет, животворный Свет! все клетки, в упоеньи,
Немым экстазом пламенея, сохраняют
Нетленного вовек живое ощущение.

Плыву я в чудо-Свете, словно в океане,
В глубинах у меня — Твоих высот сиянье.

The Golden Light

Thy golden Light came down into my brain
And the grey rooms of mind sun-touched became
A bright reply to Wisdom's occult plane,
A calm illumination and a flame.

Thy golden Light came down into my throat,
And all my speech is now a tune divine,
A paeon-song of Thee my single note;
My words are drunk with the Immortal's wine.

Thy golden Light came down into my heart
Smiting my life with Thy eternity;
Now has it grown a temple where Thou art
And all its passions point towards only Thee.

Thy golden Light came down into my feet;
My earth is now Thy playfield and Thy seat.

Золотой Свет

Твой Свет золотой мне опустился в мозг,
И словно солнце воссияло в нем:
Впустил он Мудрость в серый свой чертог,
Стал чистым озареньем и огнем.

Твой Свет золотой низлился мне в гортань:
Небесной песнью речь моя звенит,
Тебе лишь гимн поют мои уста;
Бессмертья мед слова мои пьянит.

Твой Свет золотой мне в сердце низошел
И жизнь Твоею вечностью пленил —
Отныне Ты обитель в нем обрел,
И лишь к Тебе оно стремится свой пыл.

Твой Свет золотой мне опустился в ноги,
И предо мною — лишь Твои дороги.

The Body

This body which was once my universe,
 Is now a pittance carried by the soul, —
Its Titan's motion bears this scanty purse,
 Pacing through vastness to a vaster goal.

Too small was it to meet the giant need
 That only infinitude can satisfy:
He keeps it still, for in the folds is hid
 His secret passport to eternity.

In his front an endless Time and Space deploy
 The landscape of their golden happenings;
His heart is filled with sweet and violent joy,
 His mind is upon great and distant things.

How grown with all the world conterminous
Is the little dweller in this narrow house!

Тело

Был прежде тесен плотский мой мирок,
Теперь же мир души открылся в теле:
Она несет тот скудный кошелек
Могучим шагом ввысь, к безмерной цели.

Не мог смириться с жалким кошелём
Порыв ее, объявший бесконечность, —
Но все ж она хранит его, ведь в нем
Сокрыт ее секретный пропуск в вечность.

Теперь Пространства-Времени простор
Златые дали развернул перед нею,
И в сердце у нее кипит восторг,
И ум ее взмывает в эмпиреи;

И вырос до размеров всей вселенной
Жилец ничтожный вместе с кельей бренной!

Transformation

My breath runs in a subtle rhythmic stream;
It fills my members with a might divine:
I have drunk the Infinite like a giant's wine.
Time is my drama or my pageant dream.
Now are my illumined cells joy's flaming scheme
And changed my thrilled and branching nerves to fine
Channels of rapture opal and hyaline
For the influx of the Unknown and the Supreme.

I am no more a vassal of the flesh,
A slave to Nature and her leaden rule;
I am caught no more in the senses' narrow mesh.
My soul unhorizoned widens to measureless sight,
My body is God's happy living tool,
My spirit a vast sun of deathless light.

Трансформация

Струится мощь в дыхании моем,
 Божественную силу мне даря:
 Безбрежности вино глотаю я,
И Время тает, разноцветным сном.
Пылают клетки сладостным огнем;
 В сплетеньях нервов, радостью горя,
 Неведомого плещутся моря,
Как в чистых руслах, проведенных в Нем.

Конец засилью плоти: я восстал
 И тяжкий гнет Природы превозмог,
 И чувств тугие пути разорвал.
Моей душе пределов больше нет,
 Моим счастливым телом движет Бог,
 Мой дух, как солнце, льет бессмертный свет.

The Bliss of Brahman

I have become a foam-white sea of bliss,

 I am a curling wave of God's delight,

 A shapeless flow of happy passionate light,

A whirlpool of the streams of Paradise.

I am a cup of His felicities,

 A thunderblast of His golden ecstasy's might,

 A fire of joy upon creation's height,

I am His rapture's wonderful abyss.

I am drunken with the glory of the Lord,

 I am vanquished by the beauty of the Unborn;

 I have looked, alive, upon the Eternal's face.

My mind is cloven by His radiant sword,

 My heart by His beatific touch is torn;

 My life is a meteor-dust of His flaming Grace.

Блаженство Брахмана

Плыву я, Божьей сладостной волной,
В Блаженстве — пенно-белом океане, —
Поток счастливый пылкого сиянья,
Водоворот услады неземной.
Его экстаза кубок я хмельной,
Могучий гром Его золотого ликования,
Огонь восторга в небе мироздания,
Его бездонной радости прибой.

Передо мною, чудом неизбывным, —
Господь во всем величии Своем:
При жизни я изведаль Божью суть.
Он сокрушил мне сердце взором дивным
И ум рассек пылающим мечом,
И Милости дождем омыл мой путь.

Immortality

I have drunk deep of God's own liberty
From which an occult sovereignty derives:
Hidden in an earthly garment that survives,
I am the worldless being vast and free.
A moment stamped with that supremacy
Has rescued me from cosmic hooks and gyves;
Abolishing death and time my nature lives
In the deep heart of immortality.

God's contract signed with Ignorance is torn;
Time has become the Eternal's endless year,
My soul's wide self of living infinite Space
Outlines its body luminous and unborn
Behind the earth-robe; under the earth-mask
grows clear
The mould of an imperishable face.

Бессмертие

Я Божией свободой опьянен,
 Что мне всевласть чудное несет:
 Земных одежд не сбросил я, но вот
Я бытием внемирным окрылен.
В единый миг я был освобожден
 От вековых космических тенет;
 Низвергнув тлен и смерть, мой дух живет,
Бессмертием заветным упоен.

Расторгнут Божий с Тьмою договор,
 Отныне Время — только вечный миг;
 В душе, пресветлым Космосом живым,
Забрезжил тела вечного простор;
 Под бранным облачением земным,
 Как солнце, воссиял нетленный лик.

Divine Sense

Surely I take no more an earthly food
But eat the fruits and plants of Paradise!
For Thou hast changed my sense's habitude
From mortal pleasure to divine surprise.

Hearing and sight are now an ecstasy,
And all the fragrances of earth disclose
A sweetness matching in intensity
Odour of the crimson marvel of the rose.

In every contact's deep invading thrill,
That lasts as if its source were infinite,
I feel Thy touch; Thy bliss imperishable
Is crowded into that moment of delight.

The body burns with Thy rapture's sacred fire,
Pure, passionate, holy, virgin of desire.

Божественное восприятие

О нет, я ныне ем не хлеб земной,
Но райскую амброзию вкушаю!
Ты бrenным чувствам опыт дал иной,
Усладу горним чудом заменяя.

И слух, и зренья дарят счастье мне;
Все ароматы мира мне явили
С пунцовым чудом розы наравне
Благоуханий сладких изобилье.

И словно бесконечностью рожден
Глубокий трепет каждого касанья:
Твой узнавая перст, я упоен
Блаженством, что горит, не угасая.

И в теле — Твой восторг, святое пламя,
Возвышен, чист, не омрачен желаньем.

The Divine Hearing

All sounds, all voices have become Thy voice:

 Music and thunder and the cry of birds,
Life's babble of her sorrows and her joys,
 Cadence of human speech and murmured words,

The laughter of the sea's enormous mirth,
 The winged plane purring through the conquered air,
The auto's trumpet-song of speed to earth,
 The machine's reluctant drone, the siren's blare

Blowing upon the windy horn of Space
 A call of distance and of mystery,
Memories of sun-bright lands and ocean ways, —
 All now are wonder-tones and themes of Thee.

A secret harmony steals through the blind heart
And all grows beautiful because Thou art.

Божественное слышание

Твой голос — в каждом звуке, в каждом гласе;
Раскаты грома, птичий перезвон,
Журчанье речи, жизни многогласье,
Счастливый клич и неутешный стон,

Смех океана в радости бездонной,
Машины гордый рокот на бегу,
Гимн самолета в выси покоренной,
Сирены рев и двигателя гул

Рождают в горне ветреном Пространства
Призыв, что манит в дальние края,
Напев заветных тайн, безбрежных странствий —
Повсюду чудо-музыка Твоя.

Душе моей гармония открылась:
Ты есть, и все вокруг преобразилось!

Divine Sight

Each sight is now immortal with Thy bliss:
My soul through the rapt eyes has come to see;
A veil is rent and they no more can miss
The miracle of Thy world-epiphany.

Into an ecstasy of vision caught
Each natural object is of Thee a part,
A rapture-symbol from Thy substance wrought,
A poem shaped in Beauty's living heart,

A master-work of colour and design,
A mighty sweetness borne on grandeur's wings;
A burdened wonder of significant line
Reveals itself in even commonest things.

All forms are Thy dream-dialect of delight,
O Absolute, O vivid Infinite.

Божественное видение

Я вижу всюду Твой блаженный лик:
В душе моей открылся взгляд нетленный;
Разорвана вуаль, и каждый миг
Дарует мне Твой образ сокровенный.

Любая вещь полна Тобой одним —
Настигнутая взором упоенным,
Она чарует, символом Твоим,
Поэмой, Красоты душой рожденной,

Крылатым счастьем грандиозных сфер,
Запечатленным в линии и цвете:
Великий и таинственный шедевр
Я нахожу в обычнейшем предмете.

Повсюду — сладких грез Твоих картины,
О Абсолютный, Беспредельный, Дивный.

Form

O worshipper of the formless Infinite,
 Reject not form, what dwells in it is He.
 Each finite is that deep Infinity
Enshrining His veiled soul of pure delight.
Form in its heart of silence recondite
 Hides the significance of His mystery,
 Form is the wonder-house of eternity,
A cavern of the deathless Eremite.

There is a beauty in the depths of God,
 There is a miracle of the Marvellous
 That builds the universe for its abode.
Bursting into shape and colour like a rose,
 The One, in His glory multitudinous,
 Compels the great world-petals to uncloset.

Форма

О преданный Безмерности аморфной,
Ты формой напрасно пренебрег:
Блаженным сердцем в ней сокрылся Бог,
В конечном — Беспредельностью бездонной.
В ее безмолвной сути потаенной
Он ключ к своей загадке приберег;
В глубинах формы — вечности чертог,
Нетленного приют уединенный.

В ней Дух сияет светом красоты,
В ней откровеньем притаился Дивный,
Что создал этот мир и в нем живет.
Явив свои прекрасные черты
В несметных чудных образах, Единый
Вселенской розой счастливо цветет.

Discoveries of Science

I saw the electric stream on which is run
The world, turned motes and spark-whirls of a Light,
A Fire of which the nebula and sun
Are glints and flame-drops, scattered eremite;

And veiled by viewless Light worked other Powers,
An Air of movement endless, unbegun,
Expanding and contracting in Time's hours
And the intangible ether of the One.

The surface finds, the screen-phenomenon,
Are Nature's offered ransom, while behind,
Her occult mysteries lie safe, unknown
To the crude handling of the empiric Mind.

Our truths discovered are but dust and trace
Of the eternal Energy in her race.

Открытия науки

Узрел я электрический поток,
Несущий мир, увидел вихри Света,
Огня, что солнца-искорки возжег
И угольками разметал планеты,

Познал деянья запредельных Сил,
Эфир Движенья — ток неударжимый,
Что Времени течение породил,
Проник в единый Дух непостижимый...

Наука, изучая мир вещей,
К Природе ищет ключ, не постигая
Оккультных сил, что затаились в ней,
Эмпириков бездушных избегая.

Энергия извечно мчит вперед,
Ученый — по следам ее бредет.

A Dream of Surreal Science

One dreamed and saw a gland write Hamlet, drink
At the Mermaid, capture immortality;
A committee of hormones on the Aegean's brink
Composed the Iliad and the Odyssey.

A thyroid, meditating almost nude
Under the Bo-tree, saw the eternal Light
And, rising from its mighty solitude,
Spoke of the Wheel and eightfold Path all right.

A brain by a disordered stomach driven
Thundered through Europe, conquered, ruled and fell,
From St. Helena went, perhaps, to Heaven.
Thus wagged on the surreal world, until

A scientist played with atoms and blew out
The universe before God had time to shout.

Научная фантазмагория

Приснилось как-то мне, как пьют в «Русалке» гланды
И пишут «Гамлета», прославившись в веках;
Как сочиняет «Одиссею» с «Илиадой»
Синклит гормонов на эгейских берегах;

Как, позабыв весь мир, отдавшись созерцанию,
Под дровом Бо гипофиз видит вечный Свет —
И, пробудясь, речет о Колесе страданий
И восьмеричный Путь дает из моря бед;

Как мозг, тревожимый желудка несвареньем,
Европу покорил, гремел, царил и пал,
Уйдя, — должно быть, в Небо — на Святой Елене.
Так фантастичный мир во сне моем витал.

Но тут ученый и до атомов добрался...
Бог не успел вскричать, как мир уже взорвался.

Self

He said, "I am egoless, spiritual, free,"

Then swore because his dinner was not ready.

I asked him why. He said, "It is not me,

But the belly's hungry god who gets unsteady."

I asked him why. He said, "It is his play.

I am unmoved within, desireless, pure.

I care not what may happen day by day."

I questioned him, "Are you so very sure?"

He answered, "I can understand your doubt.

But to be free is all. It does not matter

How you may kick and howl and rage and shout,

Making a row over your daily platter.

"To be aware of self is liberty.

Self I have got and, having self, am free."

«Я познал себя...»

Сказал он: «Эго я лишен, свободен и духовен» —

И вдруг разгневался, что ужин запоздал.

Спросил я: «Как же так?» А он: «Не я виновен,

То алчный бог желудка голос свой подал».

Спросил я: «Как же так?» Он: «Я всегда в покое,

Я чист, бесстрастен — это он заголосил.

Я ж не затронут этой суетой мирскою».

«А ты уверен в этом?» — я его спросил.

Он отвечал: «Понятно мне твое сомненье.

Но главное — свобода. Роли не играет,

Кричишь ли ты, дерешься ль, споришь с возмущеньем,

Скандалишь ли, свой хлеб насыщенный поглощая.

Освобожденье в том, чтоб знать свою природу.

Так я познал себя — и вот обрел свободу».

Electron

The electron on which forms and worlds are built,
 Leaped into being, a particle of God.
A spark from the eternal Energy spilt,
 It is the Infinite's blind minute abode.

In that small flaming chariot Shiva rides.
 The One devised innumerably to be;
His oneness in invisible forms he hides,
 Time's tiny temples to eternity.

Atom and molecule in their unseen plan
 Buttress an edifice of strange onenesses,
Crystal and plant, insect and beast and man, —
 Man on whom the World-Unity shall seize,

Widening his soul-spark to an epiphany
Of the timeless vastness of Infinity.

Электрон

Господней искрой вспыхнул электрон
И послужил основой миров.
Из вечного Огня явился он —
Безмерный в нем обрел мельчайший кров.

Сам Шива правит колесничкой той:
Решил Единый несчислимо быть —
В пылинках-храмах вечности святой,
В незримых огоньках себя сокрыть.

Из крохотных частиц за веком век
Единств чудесных здание растет:
Кристалл, растенье, зверь... и человек! —
Тот, кто весь мир к Единству приведет,

Душевной искры простирая пламя
В безбóрежный Простор над Временами.

Creation

Since Thou hadst all eternity to amuse,
 O sculptor of the living shapes of earth,
 O dramatist of death and life and birth,
World-artist revelling in forms and hues,

Hast Thou shaped the marvel of the whirling spheres,
 A scientist passing Nature through his tubes
 And played with numbers, measures, theorems, cubes,
O mathematician Mind that never errs,

Building a universe from Thy theories?
 Protean is Thy spirit of delight,
 Craftsman minute and architect of might,
World-adept of a thousand mysteries.

Or forged some deep Necessity, not Thy whim,
Fate and Inconscience and the net of Time?

Творение

Не ради ли забавы, о Нетленный,
О Ты, вдохнувший жизнь в Свои творенья,
Сложивший драму смерти и рожденья,
Миры живописавший вдохновенно,

Воздвиг Ты чудо сфер своих предвечных —
Ученый, рассчитавший ход Природы,
Числом играя, измереньем, кодом,
О математик-Разум безупречный, —

И создал космос из Своих теорий?
Твой дух блажен в обличиях несметных,
Вершитель славных дел и неприметных,
Адепт бессчетных мировых мистерий.

Иль рождены Потребностью глубокой
И Тьма, и сеть Времен, и бремя Рока?

The Cosmic Dance

Dance of Krishna, Dance of Kali

Two measures are there of the cosmic dance.

Always we hear the tread of Kali's feet
Measuring in rhythms of pain and grief and chance
Life's game of hazard terrible and sweet.

The ordeal of the veiled Initiate,

The hero soul at play with Death's embrace,
Wrestler in the dread gymnasium of Fate
And sacrifice a lonely path to Grace.

Man's sorrows made a key to the Mysteries,

Truth's narrow road out of Time's wastes of dream,
The soul's seven doors from Matter's tomb to rise,
Are the common motives of her tragic theme.

But when shall Krishna's dance through Nature move,
His mask of sweetness, laughter, rapture, love?

Танец мироздания

Танец Кришны, танец Кали

Есть два размера в танце мироздания.

Мы слышим поступь Кали ежечасно;
В ней — ритмы краха, горя и страдания,
В ней жизнь — игра, что губительно прекрасна.

Геройский дух, что в схватке одинокой
Ведет со Смертью тяжкое сраженье,
Единоборцем на арене Рока, —
Лишь в жертве обретая путь к спасенью,

Прозрения, оплаченные болью,
Познания узкий путь во сне столетий,
Из праха — для души семь врат на волю —
Сошлись в ее трагическом сюжете.

Когда же Кришны танец шаловливый
Подарит нам любовь и смех счастливый?

The Iron Dictators

I looked for Thee alone, but met my glance
The iron dreadful Four who rule our breath,
Masters of falsehood, Kings of ignorance,
High sovereign Lords of suffering and death.

Whence came these formidable autarchies,
From what inconscient blind Infinity, —
Cold propagandists of a million lies,
Dictators of a world of agony?

Or was it Thou who bor'st the fourfold mask?
Enveloping Thy timeless heart in Time,
Thou has bound the spirit to its cosmic task,
To find Thee veiled in this tremendous mime.

Thou, only Thou, canst raise the invisible siege,
O Light, O deathless Joy, O rapturous Peace!

Железные Диктаторы

К Тебе я шел, но взор мой обнажил
Железных жизни четверых Царей:
Владык невежества, Монархов лжи,
Страдания и смерти Королей.

Откуда эти грозные тираны —
Из бездны ли слепого Несознания,
Холодные ревнители обмана,
Диктаторы вселенского страдания?

Иль это Ты в четвероликой маске
Свой дух предвечный Временем укрыл
И в жизни, словно в карнавальной пляске,
Узнать Свой образ душам предложил?

Ты, только Ты избавишь нас от плена,
О Свет, о Радость, о Покой нетленный!

The Guest

I have discovered my deep deathless being:
Masked by my front of mind, immense, serene,
It meets the world with an Immortal's seeing,
A god-spectator of the human scene.

No pain and sorrow of the heart and flesh
Can tread that pure and voiceless sanctuary.
Danger and fear, Fate's hounds, slipping their leash
Rend body and nerve, — the timeless Spirit is free.

Awake, God's ray and witness in my breast,
In the undying substance of my soul,
Flamelike, inscrutable the almighty Guest.
Death nearer comes and Destiny takes her toll;

He hears the blows that shatter Nature's house:
Calm sits he, formidable, luminous.

Гость

Я отыскал в себе свой дух нетленный:
Под маскою ума, безбрежен, свят,
Предстал свидетель-бог земной арены,
На мир направив свой бессмертный взгляд.

Ни сердца боль, ни плотские мученья
Не вхожи в тот безмолвный, чистый храм.
Свободен Дух! — пусть страхи и лишенья,
Ищейки Рока, плоть терзают нам.

В груди моей пылай, о светоч Божий,
Души моей бессмертье озари!
Пусть рядом Смерть и дань Судьбы все строже,
Всевластный Гость, свой пламень мне дари.

Пускай тревожат бури домик бренный —
В нем Дух царит, сияющий, нетленный.

The Pilgrim of the Night

I made an assignation with the Night;
 In the abyss was fixed our rendezvous:
In my breast carrying God's deathless light
 I came her dark and dangerous heart to woo.

I left the glory of the illumined Mind
 And the calm rapture of the divinised soul
And travelled through a vastness dim and blind
 To the grey shore where her ignorant waters roll.

I walk by the chill wave through the dull slime
 And still that weary journeying knows no end;
Lost is the lustrous godhead beyond Time,
 There comes no voice of the celestial Friend,

And yet I know my footprints' track shall be
A pathway towards Immortality.

Странник Тьмы

Я назначил свидание Ночи вселенной;
В преисподней чудовищной встретимся мы:
Укрывая в груди Божий светоч нетленный,
Вышел я покорить сердце мрачное Тьмы.

Я покинул блистательный Ум озаренный
И души лучезарной счастливый прибрег
И пришел по пустыне слепой, омраченной
К темным водам ее на отверженный брег.

Я иду, обдаваем волной ледяною,
По зыбучим пескам — им не видно конца...
Где небесный мой Друг, что был прежде со мною,
Где сиятельный бог из вневременных царств?

Но я знаю, что след мой дорогою ляжет
И к Бессмертию путь человеку укажет.

In The Battle

Often, in the slow ages' wide retreat

On Life's long bridge through Time's enormous sea,
I have accepted death and borne defeat

If by my fall some gain were clutched for Thee.

To this world's inconscient Power Thou hast given the right

To oppose the shining passage of my soul:

She levies on each step the tax of Night.

Doom, her unjust accountant, keeps the roll.

Around my way the Titan forces press;

This earth is theirs, they hold the days in fee,

I am full of wounds and the fight merciless:

Is it not yet Thy hour of victory?

Even as Thou wilt! What still to Fate Thou owest,

O Ancient of the worlds, Thou knowest, Thou knowest.

В сражении

Как часто в череде своих веков,
Как на мосту над бездною эпох,
Я шел на бой и к смерти был готов,
Тебе лишь отдавая каждый вздох.

Всемирной Тьме Ты право дал прервать
Души моей сияющий поход:
За каждый шаг я должен дань воздать —
Лукавый мытарь, Рок ведет расчет.

Титанов силы на меня идут;
Земля — в их власти, годы — их оброк;
Израненный, я страшный бой веду...
Не близок ли Твоей победы срок?

Но все в Твоих руках! Твой долг Судьбе,
О Царь миров, известен лишь Тебе.

The Hidden Plan

However long Night's hour, I will not dream
That the small ego and the person's mask
Are all that God reveals in our life-scheme,
The last result of Nature's cosmic task.

A greater Presence in her bosom works;
Long it prepares its far epiphany:
Even in the stone and beast the godhead lurks,
A bright Persona of eternity.

It shall burst out from the limit traced by Mind
And make a witness of the prescient heart;
It shall reveal even in this inert blind
Nature, long veiled in each inconscient part,

Fulfilling the occult magnificent plan,
The world-wide and immortal spirit in man.

Тайный План

Пусть Ночи затянулся час, я знаю,
Что маска эго, призрачный покров,
Не то, чем Бог Природу увенчает,
Не цель ее космических трудов.

В ней высшее Присутствие стремится,
Трудясь во тьме эпох, явить себя,
Ведь даже в камне, в звере бог таится,
Нетленное сияющее «Я».

Однажды, сокрушив Ума пределы,
Восстанет Он, раскроет сердца взор
И явит даже в темной, закоснелой
Природе, в ней незримый до сих пор,

Осуществлявший тайный План вовеки
Вселенский дух, бессмертный в человеке.

The Inconscient Foundation

My soul regards its veiled subconscious base;
All the dead obstinate symbols of the past,
The hereditary moulds, the stamps of race
Are upheld to sight, the old imprints effaced.

In a downpour of supernal light it reads
The black Inconscient's enigmatic script —
Recorded in a hundred shadowy screeds
An inert world's obscure enormous drift;

All flames, is torn and burned and cast away.
Here slept the tables of the Ignorance,
There the dumb dragon edicts of her sway,
The scriptures of Necessity and Chance.

Pure is the huge foundation now and nude,
A boundless mirror of God's infinitude.

Несознание-основа

Мой дух прозрел во тьме свою основу;
Все символы исчезнувших веков,
Наследие времен, печать бывшего,
Открылись взору, летописью снов.

В потоках света свыше он читает
Темнейших таинств Несознанья свод —
В неясных сотнях свитков постигает
Вселенной косной смутный древний ход;

Где спали ввек Неведенья скрижали,
Где Рок и Случай, свой взведя оплот,
Его закон драконий охраняли,
Теперь огонь, что гибель Тьме несет.

И в чистоте основы бесконечной,
Как в зеркале, является Предвечный.

The Inconscient

Out of a seeming void and dark-winged sleep
Of dim inconscient infinity
A Power arose from the insentient deep,
A flame-whirl of magician Energy.

Some huge somnambulist Intelligence
Devising without thought process and plan
Arrayed the burning stars' magnificence,
The living bodies of beasts and the brain of man.

What stark Necessity or ordered Chance
Became alive to know the cosmic whole?
What magic of numbers, what mechanic dance
Developed consciousness, assumed a soul?

The darkness was the Omnipotent's abode,
Hood of omniscience, a blind mask of God.

Несознательное

Из мнимой пустоты и темнокрылья сна
Туманной несознательной безмерности
Восстала Сила, в косной глубине рождена, —
Горячий вихрь магической Энергии.

Какой-то Ум, сомнамбулический, огромный,
Без мысли план и ход изобретающий,
Украсил небеса чудесной пылью звездной,
Живую плоть соткал, мозг размышляющий.

Что за великий Смысл иль Случай предрешенный,
Стремясь постигнуть мир, живыми стать решились?
А может, чисел трюк иль пляс замороженный
Сознание развили, в душу воплотились?

Мрак Всемогущему служил укромным логом,
Всеведенью — покровом, темной маской — Богу.

The Infinitesimal Infinite

Out of a still Immensity all came!

 These million universes were to it
The poor light-bubbles of a trivial game,
 A fragile glimmer in the Infinite.

It could not find its soul in all that vast:

 It drew itself into a little speck
Infinitesimal, ignobly cast
 Out of earth's mud and slime strangely awake, —

A tiny plasm on a little globe,

 In the small system of a dwarflike sun,
A little life wearing the flesh for robe,
 A little mind winged through wide space to run!

It lived, it knew, it saw its self sublime,

Deathless, outmeasuring Space, outlasting Time.

Крохотная Беспредельность

Из вечной Беспредельности пришли мы!
Несметные миры казались ей
Лишь отсветами сфер необозримых,
Лишь стайкой легкой мыльных пузырей.

Она решила на земле родиться,
Когда себя в безбрежье не нашла:
Ничтожной стала, крохотной частицей,
Что вдруг во прахе мертвом ожила, —

И вот на жалком шарике, согретом
Лучами солнца-карлика, растет,
Став жизнью брэнной, что во плоть одета,
Умишком, что сквозь бездны мчит вперед —

И так она к душе своей восходит,
Что Время и Пространство превосходит.

The Miracle of Birth

I saw my soul a traveller through Time;
From life to life the cosmic ways it trod,
Obscure in the depths and on the heights sublime,
Evolving from the worm into the god.

A spark of the eternal Fire, it came
To build a house in Matter for the Unborn.
The inconscient sunless Night received the flame,
In the brute seed of things dumb and forlorn

Life stirred and Thought outlined a gleaming shape
Till on the stark inanimate earth could move,
Born to somnambulist Nature in her sleep
A thinking creature who can hope and love.

Still by slow steps the miracle goes on,
The Immortal's gradual birth mid mire and stone.

Чудо рождения

Постиг я: дух мой по тропе Времен
От жизни к жизни странствует вперед —
В глубинах темен, в высях озарен,
Вначале — червь, он в божество растет.

Пришел он, искрой вечного Огня,
Бессмертному воздвигнуть храм живой,
И вспыхнул свет во Тьме, не знавшей дня,
И в недрах мира, в пустоте немой

Забилась Жизнь и Мысли образ гордый,
И в косном мертвом прахе был рожден,
Нарушив лунатичный сон Природы,
Мыслитель, что любовью окрылен.

Но чуду нет конца, и постепенно
В Материи рождается Нетленный.

Evolution

All is not finished in the unseen decree;
A Mind beyond our mind demands our ken;
A life of unimagined harmony
Awaits, concealed, the grasp of unborn men.

The crude beginnings of the lifeless earth,
The mindless stirrings of the plant and tree
Prepared our thought; thought for a godlike birth
Broadens the mould of our mortality.

A might no human will nor force can gain,
A knowledge seated in eternity,
A bliss beyond our struggle and our pain
Are the high pinnacles of our destiny.

O Thou who climbest to mind from the dull stone,
Face now the miracled summits still unwon.

Эволюция (1)

Еще не выполнен невидимый Указ.

Ждет высший Разум нашего прозренья,
В гармонии верховной, ожидая нас,
Таится Жизнь, не знающая тленья.

Из сна Материи, безжизненной впотьмах,
Из трепета бездумного растений
Взрастает наша мысль и, пробуждая прах,
В нас образ Божий вновь зовет к рожденью.

Всевластие, что правит силами Судьбы,
Всеведение, что в вечности твердится,
Блаженство, что превыше нашей боли и борьбы, —
Вот чудо-высь, куда наш мир стремится.

О Ты, из косной персти к разуму идущий,
Услышь великий зов Своей судьбы грядущей!

Evolution

I passed into a lucent still abode
 And saw as in a mirror crystalline
 An ancient Force ascending serpentine
The unhasting spirals of the aeonic road.
Earth was a cradle for the arriving god
 And man but a half-dark half-luminous sign
 Of the transition of the veiled Divine
From Matter's sleep and the tormented load
Of ignorant life and death to the Spirit's light.
 Mind liberated swam Light's ocean vast,
 And life escaped from its grey tortured line;
I saw Matter illumining its parent Night.
 The soul could feel into infinity cast
 Timeless God-bliss the heart incarnadine.

Эволюция (2)

Вступив под сень пресветлого чертога,
Прозрел я в чистоте его зеркальной,
Как серпантинном Силы изначальной
Неспешно вилась ввысь эпох дорога.
Земля предстала колыбелью бога,
А человек — лишь нераскрытой тайной
Возврата Божества тропой спиральной
Из сна Материи, из мглы убогой
От жизни-смерти — к Духу, в Свет бессмертный.
Там разум плыл в лучистом океане,
И жизнь отвергла серый гнет страданий;
Рассеяв отчий Мрак, Материя сияла.
Душа сливалась в широте безмерной
С блаженством вечным в Божьем сердце алом.

Shiva

On the white summit of eternity
 A single Soul of bare infinities,
 Guarded he keeps by a fire-screen of peace
His mystic loneliness of nude ecstasy.
But, touched by an immense delight to be,
 He looks across unending depths and sees
 Musing amid the unconscious silences
The Mighty Mother's dumb felicity.

Half now awake she rises to his glance;
 Then, moved to circling by her heart-beats' will,
 The rhythmic worlds describe that passion-dance.
Life springs in her and Mind is born; her face
 She lifts to Him who is Herself, until
 The Spirit leaps into the Spirit's embrace.

Шива

Над тленьем в белой выси вознесен,
Единый Дух безбрежий обнаженных,
Во пламень миротворный погруженных,
Блаженно-одинокий, правит он.
Но, бытия усладой привлечен,
Стремит он взор во Тьму глубин бездонных
И видит средь безмолвий затаенных
Забывшуюся в грезах Мать Времен.

И, пробудясь, она к нему стремится:
Взметнется в танце, радостным огнем, —
И пульс миров несметных в ней родится,
И вострепещет Жизнь, и Ум взовьется...
И вдруг Она Себя увидит в Нем,
И с Духом Дух в объятиях сольется.

The Inner Fields

There is a brighter ether than this blue
 Pretence of an enveloping heavenly vault,
 Royaler investiture than this massed assault¹
Of emerald rapture pearled with tears of dew.
Immortal spaces of caerulean hue
 Are in our reach and fields without this fault
 Of drab brown earth and streams that never halt
In their deep murmur which white flowers strew

Floating like stars upon a strip of sky.
 This world behind is made of truer stuff
 Than the manufactured tissue of earth's grace.
There we can walk and see the gods go by
 And sip from Hebe's cup nectar enough
 To make for us heavenly limbs and deathless face.

¹ A deeper greenness than this laughing assault.

Мир внутри нас

Есть солнечней эфир, чем этот продувной
Мираж высокого синеющего свода,
И царственной наряд, чем изумруд природы
В слезах жемчужных рос, восторженно-шальной.
Бессмертные лазури выси неземной
Доступны нам, и земли из иной породы,
Чем серый прах, и реки, чьи не сякнут воды
И сыплют белые цветы, шепча волной, —

Как звезды, что плывут по млечной ленте неба.
Тот мир заветный соткан светлых истин тканью,
Не прелестей земных мануфактурой бренной.
Там можем мы гулять и говорить с богами
И животворный мед вкушать из чаши Гебы,
Стяжая стать божеств и горний лик нетленный.

The Call of the Impossible

A godhead moves us to unrealised things.
Asleep in the wide folds of destiny,
A world guarded by Silence' rustling wings
Shelters their fine impossibility:

But parting quiver the caerulean gates;
Strange splendours look into our dreaming eyes;
We bear proud deities and magnificent fates;
Faces and hands come near from Paradise.

What shines above, waits darkling here in us:
Bliss unattained our future's birthright is,
Beauty of our dim souls grows amorous,
We are the heirs of infinite widenesses.

The impossible is our mask of things to be,
Mortal the door to immortality.

Зов невозможного

В нас тайный бог несбыточным влеком.
За пеленой судьбы, незримый, спит
Мир, что Безмолвья трепетным крылом
Все тайны невозможного хранит —

Но задрожат лазурные врата
И явят чудо грезящим очам:
В нас — огонь богов и судеб красота;
И дети Рая близят лики к нам.

Из нашей тьмы сияет горний свет,
Растущих душ прекрасные черты;
К Блаженству мы идем сквозь бездны лет,
Наследники безбрежной широты.

Что было невозможно, то свершится,
И в смертном дверь к бессмертью отворится.

ГЛОССАРИЙ

Адвайта (санскр. — «без второго») — отсутствие двойственности, всеединство; Адвайта-мата (учение о недвойственности) — монизм, представленный в индийской философии в самых различных формах.

Апокалипсис — здесь, вероятно, используется в исконном греческом значении как «Откровение», «Богоявление».

Бельфегор — мифическое центральное светило тонкого мира. В сирийской теологии — божество, символизирующее солнце.

Геба — в греческой мифологии богиня юности, дочь Зевса и Геры; считалась кубконосицей олимпийских богов и личной помощницей Геры, царицы олимпийских богов.

Кали — разрушительная ипостась Божественной Матери; мать всего и уничтожительница всего: «В Едином нам предстоит увидеть Господа и Его Силу — Кришну и Кали, как я их называю, используя терминологию индийских религий». Шри Ауробиндо

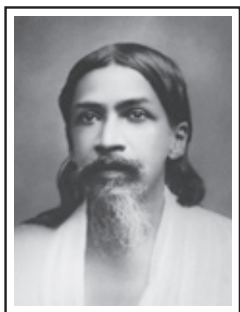
Кришна — один из десяти Аватаров — Божественных Инкарнаций, точнее, Аватар Верховного Разума; ипостась Божественного Блаженства. Шри Ауро-

биндо подчеркивал «ключевую, доминирующую» роль, которую Кришна играл в его духовной дисциплине, выработанной «с помощью Кришны и Божественной Шакти (Силы)».

Нирвана — Реализация Нирваны, безмолвного, внепространственного и вневременного [пассивного] Брахмана... стала первой из четырех великих реализаций, на которых основана йога и духовная философия Шри Ауробиндо.

Шанкарачарья (Шанкара) (род. ок. 788 — ум. 820) — индийский религиозный философ, реформатор индуизма, наиболее известный выразитель идей Адвайта Веданты, или учения Майявады (Иллюзионизма). В своих комментариях к «Брахма-сутре» дал новую интерпретацию учения Веданты о всеединстве: Абсолют (Брахман) не развертывается в мир, однако наше врожденное незнание создает иллюзию существования множества. Сам Брахман вечно остается одним и тем же. Допущение высшего знания, которое осуществляется благодаря медитации, и низшего знания, подчиняющегося власти иллюзии восприятия мира (Майя), дало ему возможность считать все формы культов ступенями, предшествующими истинне. Главные сочинения: комментарий к «Упанишаддам», «Веданта-сутре», «Бхагавадгите».

Шива — один из трех верховных богов индуизма, исполнитель разрушительной функции.

ШРИ АУРОБИНДО

биографическая справка

Шри Ауробиндо (Ауробиндо Гхош) — выдающийся политический и общественный деятель Индии, великий духовный первопроходец, мыслитель, поэт-провидец — родился в Калькутте 15 августа 1872 г. в семье врача.

С семилетнего возраста обучался в Англии; окончил Королевский колледж в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. В возрасте 21 года возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет занимает различные посты в администрации г. Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 г. переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. В эти же годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии и становится одним из лидеров национально-освободительного движения. Одновременно он погружается в изучение культурного и духовного наследия Индии. В 1904 г. он решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из

чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме с обвинением, грозившим ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден. Во время заключения он получил интенсивный духовный опыт — внутренние переживания и откровения, изменившие дальнейший ход его судьбы.

В 1910 г., повинаясь внутреннему голосу, он оставляет «внешнюю» революционную работу и удаляется в Пондичерри, французскую колонию на юге Индии, чтобы продолжать интенсивную практику йоги. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной и закономерной целью духовных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплощение на земле жизни божественной. Достижению этой цели он посвятил оставшиеся сорок лет жизни.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает более 30 томов, среди которых мировоззренческие труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

СОДЕРЖАНИЕ

Ученики Шри Ауробиндо о его сонетах	3
Предисловие	7
I have a hundred lives	16
Сто сотен жизней	17
To weep because a glorious sun	18
«Впадать в унынье...»	19
What is this talk	20
«Зачем твердить...»	21
The Human Enigma	22
Загадка человека	23
Man, the Despot of Contraries	24
Человек — деспот противоречий	25
Adwaita	26
Адвайта	27
The Stone Goddess	28
Каменная богиня	29
The Hill-Top Temple	30
Нагорный храм	31
The Godhead	32
Божество	33

Содержание

The Dual Being.....	34
Двойственное «я».....	35
“I”	36
«Я»	37
Nirvana	38
Нирвана.....	39
The Word of the Silence.....	40
Слово Безмолвия.....	41
Liberation.....	42
Освобождение (1).....	43
The Greater Plan.....	44
Высший Замысел.....	45
Liberation.....	46
Освобождение (2).....	47
Cosmic Consciousness	48
Космическое Сознание	49
The Cosmic Spirit	50
Космический Дух	51
The Indwelling Universal.....	52
Вселенское Присутствие.....	53
Life-Unity.....	54
Жизнь-Единство	55

Избранные сонеты

Krishna	56
Кришна.....	57
Because Thou art.....	58
«К Тебе лишь...»	59
Omnipresence	60
Всеприсутствие	61
Lila	62
Ли́ла — вселенская игра	63
The Universal Incarnation.....	64
Вездесущее Воплощение	65
The One Self.....	66
Единая Личность.....	67
The Divine Worker	68
Божественный работник.....	69
The Infinite Adventure.....	70
Беспредельное странствие	71
The Inner Sovereign	72
Внутренний Владыка	73
Light	74
Свет.....	75
The Golden Light	76
Золотой Свет	77

Содержание

The Body.....	78
Тело	79
Transformation	80
Трансформация.....	81
The Bliss of Brahman	82
Блаженство Брахмана	83
Immortality	84
Бессмертие	85
Divine Sense	86
Божественное восприятие	87
The Divine Hearing.....	88
Божественное слышание.....	89
Divine Sight	90
Божественное видение.....	91
Form	92
Форма.....	93
Discoveries of Science.....	94
Открытия науки.....	95
A Dream of Surreal Science	96
Научная фантазмагория	97
Self.....	98
«Я познал себя...»	99

Избранные сонеты

Electron	100
Электрон	101
Creation	102
Творение	103
The Cosmic Dance.....	104
Танец мироздания	105
The Iron Dictators	106
Железные Диктаторы	107
The Guest	108
Гость.....	109
The Pilgrim of the Night	110
Странник Тьмы	111
In The Battle	112
В сражении.....	113
The Hidden Plan	114
Тайный План	115
The Inconscient Foundation	116
Несознание-основа.....	117
The Inconscient.....	118
Несознательное.....	119
The Infinitesimal Infinite	120
Крохотная Беспредельность	121

Содержание

The Miracle of Birth	122
Чудо рождения	123
Evolution	124
Эволюция (1)	125
Evolution	126
Эволюция (2)	127
Shiva	128
Шива	129
The Inner Fields	130
Мир внутри нас	131
The Call of the Impossible	132
Зов невозможного	133
Глоссарий	134
Биографическая справка	136

Шри Ауробиндо
ИЗБРАННЫЕ СОНЕТЫ.

Пер. с англ. — СПб: Издательство «Адити», 2008. — 144 с.

Мы представляем вам избранные сонеты выдающегося индийского мудреца, мыслителя, поэта-провидца Шри Ауробиндо. Эта серия сонетов, фактически, является дневником великого йоги-на, в котором в блистательной поэтической форме отражены его основные духовные переживания и реализации. Представленные здесь произведения являются мантрой — то есть словом-откровением, словом-реальностью, позволяющим и читателю сопережить выраженные в этих стихах вдохновенные прозрения. Мы надеемся, что эти прекрасные сонеты послужат для вас средством соприкосновения с высшими реальностями, оживающими в их великолепных проникновенных строках.

Sri Aurobindo. Selected Sonnets.

Перевод с англ.: Д. Мельгунов

Корректор: А. Попова

Компьютерное макетирование: А. Клементьев

Издательство «АДИТИ»
196247, Санкт-Петербург, а/я 48
тел. (812) 974-88-97, e-mail: agni@aditi.spb.ru
web: www.aditi.ru

Фонд интегрального развития человека «САВИТРИ»
e-mail: info@savitri.ru

Подписано в печать 21.01.2008.
Формат 70x100/32. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 9. Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12